

# Валентин Осинов



## МОЙ ОРЛИК

*Непридуманная повесть из военного детства  
в степях Казахского Прииртышья*

Друг милый, предадимся бегу  
Нетерпеливого коня...

*А. С. Пушкин «Зимнее утро»*

Конь не оставит тебя в беде, а жеребенок  
прискачет к тебе в радости.

*Из наставлений дяди Ильеса*

### В ГОСТЯХ У ТАБУНЩИКА ТЕЛЕБЕКА

Мама взяла меня с собой по своим врачебным делам в многодневную поездку по тем местам, где казахи-табунщики, кочуя со своими семьями, выгуливали на летних пастбищах колхозные табуны. Следила, чтобы никто не заболел. Худо дело, если в войну даже в нашем казахстанском тылу люди заболели – кто же о фронтовиках будет заботиться, выращивая хлеб и заготавливая мясо и масло, а еще овчины для военных полушубков и шапок-ушанок, уж не говоря про четвероное пополнение для конницы.

– К первому – к почтенному Телебеку заедем, – сказала.

...Наша повозка-таратайка взехала на холмик, и вдаль показались юрты. Как только подъехали, так были встречены издали брехом-лаем собак, поближе – приятным терпким дымком от кизячьего костра.

Потом, у юрты, были приветствованы улыбкой и по-казахски добрыми словами от табунщика-старика, или, по-казахски выражаясь, аксакала, то есть белобородого, седого, явно от много прожитых мудрых лет. К маме обратился – знал, что она училась понимать по-казахски: «Дәрігер ханым! Қош келдініздер! Сізді көргеніме қуаныштымын!» – «Уважаемая доктор! Добро пожаловать! Рад вас видеть...» И меня заметил: «Бала», – сказал, – мальчик, значит. Потом завылел обращение: «Жас жігіт!» Юноша-джигит, значит. «Қайырлы кеш». Добрый вечер. Потом уже по-русски стал спрашивать да спрашивать маму, по степному



обычаю не спеша и в подробностях. И не болеет ли. И как свой дом содержит, как домашняя скотина. И благополучно ли в больнице, и даже про здоровье нашей больничной лошадки не забыл повопросить. Особо поинтересовался, что там по радио сообщают с фронта. Однако же не забыл распорядиться принести из юрты степные пиалы-кесешки, красивые своим в голубом раскрасе народным узорочьем, и налить очень ко времени после утомительно жаркой дороги прохладный кумыс. Кобылье молоко, которое как-то особо, до приятной кислинки готовят-выдерживают в кожаных бурдюках.

Потом он позвал своего сына, возрастом чуть постарше меня, и сказал ему: «Егизбай-жан, бери моего скакуна – ишь, копытом землю роет и грызет коновязь. Да скачи к табуну: поверни его к юртам, чтобы дорогим нашим гостям показать самое дорогое! Да скачи так, чтоб не хуже, чем твой старший брат Оразмухаммед, кавалерист на фронте». Вот ведь как – врач приехала, а ни он, старик, ни его жена, старушка, ни на какие болезни и не подумали жаловаться, может, только потом.

Табун, наверное, на пятьдесят лошадей, взбодренный пронзительными мальчишескими вскриками, устремился во весь опор к нашему стойбищу. Он гулко утаптывал твердыми копытами степь и наполнял предвечернюю тишину четким топотом, наяристым храпом и звучными ржаньем – то коротко негодующим, то безмятежно залившимся. Мой новый знакомец гнал табун на показ, но и в одно-время на вечерний водопой. Неподалеку от юрт виднелся колодец, рядом с которым лежали на земле длинные, на несколько метров каждая, колоды-лотки. Жена и остальные дети табунщика взялись за шесты с привязанными ведрами и принялись усердно черпать воду, и при этом успевали приваживать пугливых или строптивых коней ласковыми голосами: «Всем хватит... Всех напоим...»

Горд табунщик, что может показать лучших из лучших. Каждого коня знает и помнит.

– Вот тот солодовый – на фронт пойдет. Резвый!..

– Караковый жеребец – иноходец, краса и гордость в моем табуне...

– Нравится белая? Берегу – жеребая...

– Тот вороной – тоже для армии...

– Вон буланый – уж подрос, осенью под хомут...

– Видите серого в яблоках? На дыбы взметнулся. Огонь! К седлу завтра буду приучать...

– Та гнедая, а рядом с ней пегий – совсем за лето одичали, не подпускают...

– Рыжий – совсем мирный. Пускай твой джигит, – обратился табунщик к маме, – если хочет, так оседлает.

А на одну взял да и прикрикнул, когда она стала лягаться с подружкой: «У-у, травяной мешок!» Пояснил: «Злая. Грызется, как собака, со всеми...»

Мама, пораженная, как и я, таким богатым перечнем мастей, спросила:

– Все ли перечислил, дорогой и уважаемый Телебек-агай?

Агай, это мама употребила почтительно-уважительное выражение, с которым можно обращаться только к пожилым собеседникам.

Он ответил:

– Однажды с нашим председателем за ужином-бешбармаком на спор считали-считали, и насчитали числом с неплохую отару овечек. Так из того счета могу добавить, если по-русски: бурка, буланка, савраска, каурка, чалка, чубарка, мухортка, серко, сивка... Всех только по-казахски припомню.

Потом обратил свое внимание на меня. Посмотрел, как я хлебнул шипучего и щипучего кумыса, улыбнулся и загадал загадку. Это он решил проверить мои лошадиные познания: «Что выше лошади и ниже собаки?» Ждал-ждал ответа и не дождался. Сам и ответил: «Седло!»

Стал поучать-наставлять: «Видишь, кобылка фыркает – к дождю». Еще вспомнил: «Если зимой лошадь трясет головой и закидывает ее кверху – быть бурану». Или такое высказал: «Лошадь храпит – к ненастью».

Я пошел к Рыжему знакомиться – табунщик остановил: «Ойбай!» Так удивляются казахи. Продолжил: «Ты, джигит, выходит, пока не знаешь, что даже к самой смиренной лошади подходи спереди, если, конечно, своих зубов не жалко». Это он к тому, что лошадь в случае чего лягнуть может.

Все знает табунщик. Лошади не только мастью разные. По характеру тоже каждая – на свой норов – сразу не угадаешь. Не только добродушная, услужливая, доверчивая, послушная – для поцелуечиков в мягкие ноздри, как это показывают в кино. Не только отважная, но и безрассудная или, напротив, робкая, а то пугливая. Но и непредугаданная, даже коварная или просто упряmica. И опасную дикость может проявить или внезапную неукротенность. Кое-что рассказал Телебек и о вожаке табуна: «Во-о-н тот жеребец страшен даже волкам. Пасть ощерит, глаза выпучит и копыта как кувалды».

Тяжка участь табунщика. Об этом я с мамой узнал во время ужина, когда Телебек разговорился себе и нам в охотку. И в самом деле, не каждому дано не только на лето, но на всю зиму уходить в степь на кочевку, чтобы пасти табун. Все верхом, верхом-верхом, а отдых только ночью, когда Телебека сменяет жена или на летних каникулах старший сын-семиклассник. А как иначе, если столько забот: надо искать скрытые снегами пастбища, где бы лошадям можно было копытами разбивать снег и добираться до сухой травы; беречь их от волков; знать, когда разрешить табуна рассыпаться в линию, чтоб больше пастбища доставалось, а когда вскачь – криками и с помощью длинного шеста с петлей-арканом – сбивать лошадей потеснее: чтоб согреться им, чтоб – не приведи аллах! – защититься от волков, чтоб отправляться в перекочевку. И все это и в жару, и по стреляющим морозам, а то при секущей поземке, а то в мрачный буран, который схож своими унылыми завываниями с жалобами оголодавших волков.

Я спросил табунщика о самой у него любимой лошади.

Он принялся отвечать:

– Когда выйдешь, у коновязи сразу узнаешь моего жеребца: самый рослый, а грива и хвост не стрижены – едва не до земли. Зовут его Тулпар. Это имя из нашего казахского сказа – Крылатый конь. Он и в самом деле непобедим в байге-скачках, даже на аламан-байге, это, если не знаешь, козлодранье. Когда война кончится и если вдруг разбогатею, так закажу ему у наших умельцев седло и уздечку, отделанные серебром, и попону из верблюжьего меха с узорами.

И он взял в руки домбру, как бы степную гитару, но всего-то из двух сухих бараньих струн, нехитрый инструмент, но четко звучный, как выстук копыт в сухой степи, и запел самосотворенную песню со здравицей Тулпару – может, своему, может, легендарному. Пел он по-казахски, а его сын стал переводчиком: «Серый иноходец-конь, который Тулпаром был рожден, помчался, брызгая пеной и разгрызая удила. А земля рвалась из-под копыт этого благородного коня, как будто каждое его копыто – кетмень. Он даже холмы вскачь перемахивал.

будто ему помогали крылья-грива. Он остановится только в одном случае – если увидит плачущего ребенка или улыбающуюся девушку. И подчиняется только своему заботливому хозяину, с которым готов скакать хоть на волков, хоть на врагов-фашистов...»

## КОНИ ДЛЯ ВОЙНЫ

Лошади, лошади... Без них нельзя было в нашем селе, которое когда-то очень давно прижилось вдоль по крутому берегу могучей сибирской реки Иртыш. А по другую сторону уходила в неоглядь просторная казахская степь. Был казачий стан, да вышел, стал просто колхозом. Теперь здесь жили не только казаки, казачки и казачата, но и, ясное дело, местные жители – казахи, которые постепенно съехались из соседних аулов, а также просто приезжие по разным случаям люди: русские и украинцы, а также немцы, которых переселили в войну с берегов воюющей Волги, чеченцы и ингуши, тоже привезенные в эту суровую пору – с Кавказа, когда туда подступали фашисты.

Выделю с благодарной влагой в глазах: казахи с необычайной душевностью – особенно в войну – заботились о приезжем люде.

...Все мои тогда школьные друзья хорошо знали, что лошадь у нас в селе – это не совсем конь и тем более не скакун. Кони воюют в коннице. Скакуны снимаются в кино, а у нас в селе скакун был всего один; остальные кочевали в своих табунах под присмотром казахов.

У нашего скакуна было две заботы. Становиться отцом жеребят. И три раза в год – по самым торжественным праздникам – пойти под седло для председателя колхоза. Председатель установил радостный для всех обычай: проскакать на этом вороном скакуне-красавце по кличке Громобой по главной нашей улице к правлению колхоза, к собравшемуся там уже почти всему селу. Да с удалинкой – молодецки – разгладит пятерней свои роскошные усы-усища, оправит на груди боевые медали, взмахнет плеточкой, будто шашкой, а еще дернет удилами, чтобы вздыбиться на виду у всех, перед тем как попытается лихо соскочить с седла, небось, сдерживая стон от боли: военные раны на ноге еще дают себя знать. У него было диковинное для русского слуха имя Аманжол – в переводе как бы Добрый Путь, да вот из-за фашистской бомбы была ему любая дорога в тягость, однако преодолевал – знал, что нужен колхозникам.

Громобой его выручал. Шея у Громобоя лебединая, а горяч. Грызет удила, косит на своего всадника большим лиловым без белков глазом, ноздри трепещут, нервно перебирает тонкими, упругими и крепкими ногами – выплясывает, выплясывает, не очень-то подчиняясь туго натянутым поводьям. И впрямь красавец!

Мало было радости-то в войну. А тут свой председатель, ну совсем как в кино маршал Буденный в довоенные парады на Красной площади, – тоже при усах-усищах и на скакуне.

У председателя лихой конь, а у остальных в селе лошади, это потому, что они для работы. Если мальчишка любит лошадей, то с разрешения председателя тебе доверяют на весь год заботиться о жеребенке, а то и о настоящей лошади: кормить, поить, ухаживать. Это называлось пионерским шефством. Мне достался совсем молоденький Орлик. Моя мама, врач нашей больницы, радовалась, что было

и мне поручение заботиться о колхозном достоянии. Она, в былом горожанка и медик-ученая, вдруг оказалась здесь – так власть и война распорядились. Но приняла новую для себя жизнь: научилась держать то, что спасало – домашнюю живность. И корову, и кур с петухом, и верного сторожа-лаяльщика, по местной погоде кудлатую собаку.

Когда шла война, не все лошади попадали в конницу. Возьмут ли ее на фронт, определяла военная комиссия. Приезжала она из далекого районного центра. У околицы гостей встречал сам председатель и приглашал на конный двор – огороженную площадку у конюшни. Здесь для них уж приготовлены длинная скамья и маленький столик с прогибающейся под локтями фанерной столешницей в застарелых фиолетовых разводах от чернильных клякс, и обязательно пузатый графин воды. Мимо столика начинали водить лошадей, чтобы определить – кому в армию, кому остаться для колхоза тягловой силой.

Водили по очереди. Вот шагом. Вот взбодрят на рысь. Вот остановят. Тогда подходят двое-трое – ищут изъяны. Ощупывают ноги, грудь, спину, круп, щерят им губы, чтобы по зубам определить – не стерты ли, склоняются, чтобы осмотреть копыта – не сбиты ли.

Женщины-конюхи – мужики-то на фронте – под присмотром председателя прытко водят лошадей, а сами едва-едва не плачут от жалости, что приходит час прощанья с этими кормильцами. А мы, шефы-мальчишки, удивляемся: зачем горевать – надо радоваться-гордиться, что поскачут на врага наши Орлик, Звездочка, Аскер – это по-казахски воин-солдат, Батыр – это по-казахски герой, Буран, Смелыш...

Письма-треугольнички, которые шли с фронта, иной раз утоляли наше жадное любопытство – как там бьются наши кони. И не обязательно в атаках или в упряжи у артиллеристов. Быстро уразумели, что те, кому выпало таскать военно-полевые кухни и санитарные повозки, тоже воюют. Оказывается, на фронте любили сибирских и казахских коней: терпеливые на любые невзгоды. Но холодело в детских душах, когда среди крупно-буквенных росчерков в письмах чернильным карандашом выхватишь горе-бедовое оповещение – погиб посланец нашего села.

Как-то с другом поделились своим горем с учителем военного дела, военруками они тогда назывались или, если в полном виде, то – военный руководитель, он, конечно, руководил не войной, а подготовкой нас, школяров, к войне. Так он сказал нам: «Не горюйте. Без крови войны не бывает. Наши боевые кони на фронте пока незаменимы. Вот почитайте...» И дал нам журнал «Красноармеец», который военруку вручили перед выпиской из госпиталя, где он залечивал свои боевые раны. Листаем журнал, чтобы выискать – с какими такими целями вручен он нам. И вдруг статья «Слава славным кавалеристам!». Читаем одно за другим самое-самое интересное – про военную участь лошадей самых разных времен. Вот о древних временах: «В войске Киевской Руси и позднее кавалерия составляла основу княжеских дружин и сыграла большую роль в сражениях (Ледовое побоище 1242 г., Куликовская битва 1380 г.)». Вот о временах XVII–XVIII веков: оказывается, вся тогдашняя кавалерия подразделялась на тяжелую (кирасиры), среднюю (драгуны) и легкую (гусары, уланы). Появилась казачья кавалерия... И вот про наши времена: «К началу войны в Советской армии было 4 кавалерийских корпуса по 2-3 дивизии в каждом. Корпус имел: свыше 19 тыс. чел.

16 тыс. лошадей, 128 легких танков, 44 бронемашины, 300 орудий и минометов. К 1 февраля 1942 года на фронте действовало 17 кавалерийских корпусов... В их числе особо прославились гвардейские казачьи 5-й Донской и 4-й Кубанский». И перечислялись героини-командиры: П. Белов, Л. Доватор, И. Плиев, Н. Осликовский, Н. Кириченко, А. Селиванов...

Лошади всякого на войне могут навидаться. Я уже взрослым прочитал в древнейшем русском произведении «Задонщина» о битве на Куликовом поле жуткие строки: «А средь трупов человеческого борзый конь не может скакнуть, в крови по колено бредут».

Жесток воинский обычай: тяжело раненую лошадь пристреливали – в ухо, чтобы не мучилась.

Неужто и моего друга по имени Орлик, если ускачет бить врага, ждет такая судьба, или все-таки вернется живым и здоровым под боевым седлом с попоной, на которой красные звезды?

## СКОЛЬКО УДИВЛЕНИЙ

Уж как давным-давно расстался со своим гривастым другом, а он все передо мною: вот совсем маленьким, сосунком, бежит вприпрыжку к матери-матке, сует мордочку к вымени и упоенно насыщается вкусным молоком, и пока пьет, то от неизбежного дитячьего удовольствия все крутит своим хвостиком, ну прямо пропеллер от Карлсона;

вот повзрослевшим взмывает на дыбы: шея с головой гордо на высокой высоте, передними ногами стрижет на уровне моих плеч, а на задних стоит прочно;

вот он взрослым, крепко заморился на колхозной работе и тихохонько укладывает на землю свое громоздкое тулово, осторожно подгибая сперва передние ноги, потом умащивает под себя задние;

вот подошел к подружке и стал нежно пощипывать ее в холку, и она с такой же ответной лаской, и не скрывает, что ей самой приятно одаривать друга таким добрым отношением;

упадешь, а он круг отстукает копытами и возвращается, встанет рядом и подбрасывает всем своим видом, чтобы вставал;

вот вдруг сшибка-драчка с задиристым соперником. Оба на дыбы и стараются ударить друг друга по груди воинственно вздернутыми передними ногами. Но могут извернуться и, как говорят сибиряки, дать «задки», то есть лягнуть копытами, да так больно, что супротивник мигом отскакивает не то с жалостливым, не то с жалким взвизгом;

вот, почуяв под пузом потягивающего от прилива отчаянной смелости щеночка-несмышленища, замирает, чтобы нечаянно не задеть копытищами;

вот начинает игру со мной. Ждет, ждет, когда я подойду, да отпрядывает, если я уже близко, а глазом косит, явно примериваясь, чтобы, если и вновь отпрянуть, так не очень далеко;

вот проявляет хитрованство, когда я хочу оседлать его. Вздохнул и вспучил бока; я затянул подпруги и только ноги в стремя, чтобы взметнуться в седло, а он выдохнул, и я, не успев побывать в седле, свертываюсь под живот по причине ослабленных ремней, а все вокруг – свидетели моего позора – ухахатываются.

Он и поздороваться умел – одаривал коротким ржаньем, если, правда, каким-то образом издалека догадывался, что я шел к нему с добрыми чувствами – не сесть или запрягать – к тому же с лакомством в кармане.

## КАК ЖИЛОСЬ ЛОШАДИ В ВОЙНУ

Читатели нынешних совсем не лошадиных времен – вокруг все автомашины да мотоциклы с велосипедами, – наверное, спросят: почему не всякий хороший конь мог стать боевым конем?

Начну отвечать издалека. Все наши в станице мужчины-колхозники воюют с фашистами, и не по силам их заменить женщинам и всего-то нескольким рано повзрослевшим подросткам да калекам-инвалидам и старикам. Меньше поэтому стали заготавливать на зиму припасов и для человека, и для всей деревенской живности. А зимы, как назло, пошли суровые: страшные морозы – аж до 45 градусов, и на много дней по несколько раз в месяц бураны-вьюги.

Люди голодали-холодали, но терпели, ибо были сильны верой, что надо жить, а стало быть, работать и ради домашних своих, и ради того, чтобы помогать стране победить фашистов.

Лошадь же терпит-терпит, а потом выпадет ей тоска неизбывная, ибо сплошь для нее горе-горюха от голодухи – ни смерти, ни живота, если выражаться на старинном русском языке, или попросту – жизни нет.

Прожорлива долгая прииртышская зима на припасы и без того малые с осени для лошадей тоже. Лето припасиха, а зима подбериха. Постепенно остаются в скирдах только слежалые и подопрелые от земляной сырости низовые пласты. Они издалека отдают кислой невкусью. Но и таких пластов становится мало. Поэтому велено давать в день и на ночь всего-то два-три навильника. Была такая необманная среди колхозников мера: столько, сколько ты, мальчишка или женщина-конюх, нанижешь-навьючишь на вилы, подынешь на подгибающихся ногах и, шибко кряхтя, несешь до ясель, до кормушки, значит. Про вкусно-хрумки и нажорливо-сытный овес лошадям напоминали как уж редко – насыпали чуток в кормушки лишь по особым случаям. По праздникам или если лежал дальний путь. Овес на фронт отправляли – боевые кони должны быть всегда сытыми. А отборный ячмень – так о нем читаешь только в старинных былинах, где про русских витязей-конников. Наши же лошади если едят вполсыта неделю, потом еще одну, потом еще одну, так самых ослабелых-отощавших уж не вывести из конюшни не то что на работу, но просто на проминку, дыхнуть здоровым воздухом.

Еще лошадей угнетает истинно сибирская стужа. Вообще-то привычны они к любым морозам, но в одном случае – коли сыты. Сказано не напрасно в народных пословицах: голод с холодом кого угодно со свету сживут. От наших лютых морозов и от недоеда-голода лошади часто застуживались, совсем как люди. Даже кашляют, как заболевшие старики или как кузнец, который лошадей подковывал, инвалид с войны, заядлый курильщик. Стужа обжигает в конюшне отовсюду. И через узкие под самой крышей-стрехой окна – почти во всех них вместо повыбитых стекол пучки сена, потому легко просеивается снежная пороша и не держится надышанное лошадьми тепло. И разбиты двери-ворота, а буран-свирепень – частый гость. Негде в войну в нашем степном районе, далеком

от городов и железной дороги, достать для ремонта бревен, досок и стекла. И некому мастеровито поработать топорами и молотками. Один пробовал, а плохо получается – отстрелили ему в бою фашисты правую руку. Председатель колхоза приходит женщинам на подмогу, да тоже ладу мало, потому что на ноги инвалид – спрятанная врагом в снегу мина под ногами взорвалась, когда бросился в атаку.

Еще плохо, что не всегда колхоз зимой выделял соломы на подстилку: ее и на корм самим лошадям, а еще коровам и овечкам не хватало. Вообще-то лошади редко когда ложится, чтобы поспать-подремать, чаще всего спит стоя. Однако же когда все-таки устраивалась на голом земляном полу, так застуживалась.

Вот и ответ: почему после таких зим трудно лошади встать в боевой конный строй. Не зря с самых незапамятных времен говорят русские крестьяне и поучительно, и заботливо: «Погоняют коня не кнутом, а овсом» или: «Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком». Эти и другие пословицы прочитал я в той необыкновенной книге, которую всю жизнь старательно складывал из услышанных в народе мудрых изречений друг Пушкина Владимир Иванович Даль, он назвал ее «Пословицы русского народа». И своим читателям советую почаще общаться с этой книгой.

Всем лошади удивляют. Даже в эту голодуху, когда едят, проявляют и опрятность, и разборчивость. Орлик не кинулся жадно жрать. Протянул ему хлебушко. Гляжу, ноздри округло распахнул, шею навстречь вытянул, пахнул на меня теплым дыхом-пыхом-дыханьем – будто высказал что-то благодарное. И только потом своими бархатными губами вызволил из моей ладошки подаяние. Да нежно-нежно, а не загребуше.

Он, понятное дело, еще хочет. Обнюхивает руку, плечи, шапку, пыхает в лицо и косит, косит глазом. Жалко Орлика – а нет больше хлеба ни шматика-кусочка. Стыдно-совестно стоять рядом... В школе, в случае чего, кто-нибудь поделится сухариком или картошкой в мундире, а Орлик остается одиноким.

На обратном пути из школы в конюшню все высматриваю по заснеженной дороге или в придорожье клок сена – вдруг найду, вдруг ветром сдуло с проезжих саней или от стожка за плетнем. Для Гнедка тоже.

И моему Орлику не сладко. Живет еле-еле. Совсем затомился в голодной, душной, темной и вымороженной конюшне. Жалко на него смотреть. Отвислое от пустоты пузо придерживается не сытостью, а одними выпирающими ребрами – будто это ржавые обручи стягивают рассохшуюся бочку, пожарную, у дверей конюшни. Клонит в дрему от голода и голода: глаза почти всегда прикрытые, голова и шея свисшие. Но, кто знает, может, ему просто противно смотреть и смотреть в пустые ясли. Иногда он грустно вздохнет и подымет голову к яслям. И шумно обнюхает. Не найдется ли нечаянно недогрызенной – где уж там вкусно-лакомой травинки, веточки хотя бы от летом случайно срезанного-скошенного лугового кустарничка, той веточки, что утром показалась несъедобной. Баба Лена, как увидит таковое, так с приговоркой на сибирский лад: «Поишши... Поишши, милый».

...Баба Лена была у нас в селе известная частушечница. Как соберется народ в очередь у магазинчика или у клуба, и если она свободна, так без нее не обходилось. Кое-что накрепко запало в память, из «лошадиных» частушек тож:

Дайте дролечке винтовочку

И серого коня,



Он убьет заразу Гитлера,  
И кончится война.

Иной раз – под хорошее настроение – нас, ребятню, удостаивала концертом; когда выпроваживала на работу, могла спеть с дробненьким каблучьим перестуком расстарых сапог:

Поработай, поработай,  
Мой конек вороненький:  
Обработай с пацаном  
Этот луг зелененький...

## ОСОБАЯ ПОРА

Зима... Не получается лошадам жить без дела. Надо на санях-розвальнях развозить каждое утро сено в овчарню для овец и для коровника. С Иртыша надо доставить колотого льда в детдом и в больницу. Когда он, набитый в бочку, растопится сам по себе, без никакого подогрева, то не оторвешься от ковшика. Заманивает пить своей голубизной и необычным вкусом. От такой воды еще и истинно сказочный звон слышится. То льдинки стучают по жестяному ковшику и иной раз попадают под молодые зубы и хрупко сжевываются. Как же упоительно вкусна она от того, что ее никто не кипятит!

В райцентр тоже дорога. Раз в зиму отвозят пополнение для армии: призывников и добровольцев. Несколько раз вывозят замороженное молоко и мясо – тоже на фронт. Обратного обозников ждут с особым нетерпением – вдруг привезут возвращающегося из госпиталя калеку – отвоевался, – или раненого на окончательное излечение. Какая же радость для всех, что односельчанин живым вернулся.

Ведущей в такой зимний обоз наряжали кобылу-старушку Клашу. Она не только терпелива для зимних дорог. Еще и любима за одну появившуюся у нее в войну особенность. Узнавала земляка. И не мешали ей признать своего даже совсем не с колхозными запахами шинель или бинты. Понюхает и тихохонько поржет. За то, что здоровалась, ей доставался давно уже никем у нас в деревне не пробованный кусочек солдатского сахарку или хрумтик недеревенского сухарика.

Нас, мальчишек, в такие зимние дороги не брали. Они опасны непредугаданными морозами, налетными буранами, а то свирепыми придорожными волками. Волки не пуганы в войну – нет охотников, а старики-сторожа, чаще сторожихи, с отпугивающими ружьями охраняли только коровники, овчарни и конюшни. Лошади возвращались изможденными. Запавшие глаза. Впавшие животы. Иней-изморозь по всему телу от схваченного морозом пота, и самые настоящие сосульки у ноздрей.

Но хуже нет, когда бригадир велит ладить сани с особым старанием-пристрастием – помыть-почистить. Догадывались: быть дороге к больнице – гроб грузить и навсегда увозить под плачи на кладбище. Такая ездка, пожалуй, каждый месяц: умер кто-то, в конец истощенный, от какой-либо усугубляющей болезни-хворости, даже тиф от вшей случался.

...Как-то сторожиха конюшни, то есть ночной конюх баба Лена, так почему-то прозвали ее, обратилась ко мне, как когда-то чабан Телебек, с загадкой, которая напоминала в одно время сказку:

– Быдто слушают пацаны голос: «Мне зимою тяжело». Слушают еще один голос: «Мне летом тяжело». И третий раздался: «Мне всегда тяжело!»

Я тужился-пыжился и не отгадал. Так баба Лена сама с отгадкой:

– Это, паря, про сани, про телегу и – запоминай, да сочувствие проявляй, – про лошадь.

## ТРУДНЫЙ ТРУД

Запредельно трудным был трудовой день у лошади в военную пору. Кто же еще помощник человеку в колхозе, если оставшиеся от мобилизации на фронт трактор и машина-грузовик больше в ремонте, чем в работе?..

Еще зима, но уже надо начинать заботиться об осени. Об урожае речь. Каков привет с начала года, таким и аукнется ответ в конце. Председатель на собрании часто говорил: в осень въезжают на санях. Надо вывозить на заснеженные поля навоз-назем. Это для того, чтобы землю-пашню удобрить-подкормить; добро любит даже земля, вот ее и задобряют.

Потом, с весны, лошадь нужна для плуга и бороны – сеять надо. Не обойдется без нее, когда вывозят из амбаров на телегах семена. Драгоценны! Без них к осени не быть для мельницы работы. Какой же гнездовой наш родной русский язык: и печеный хлеб – хлеб-хлебушко, и зерно для семян тоже хлеб-хлебушко.

Держу Орлика под уздцы, чтобы телегу не дергал. В нее взрослые загружают мешки с семенами, по их огромности они назывались по-сибирски чувалами. Усладистые запахи от них. И до лошади доплывают по воздуху духмяные волны. Они ноздри щекочут-раздувают. Но не натрусишь горсточку-жменьку ни для себя, ни для лошади, а уж как хочется нам с ней пожевать после тощего завтрака. Зерно протравлено специальным ядовитым порошком, чтобы зимой в бедных запасах не развелись прожорливые жучки и мышки.

Тяжко тянуть тяжелую телегу. Дороги раскисли от талой воды двумя слоями: для колес вязко в глубине, для копыт скользко по размывам сверху. Жидкая грязь чавкает и расплескивается. У лошадей из-за этого по весне новая примета: хвосты подвязывают узлами, чтобы ихнюю лошадиную красу позорно не заляпать. В водополье нет лошади приволья. Только и слышно от нее натруженное «уф-уф-уф», а от возницы понужливое «Но! Но-о! Давай-давай-ка!». Колесы же вязнут аж по ступицы на глубокой колее, и только резкими рывками преодолеваются промоины-колдобины. Съехал к сеяльщикам – пуще прежнего хуже. Пашня с телегой не дружит – грузнут колесы. Лошадь в потной пене и в прерывистом дыханье то и дело обессиленная встает, только уши настороже. Ждет кнута-подгоняльщика – жалко, а порой достается. Сеяльщики не терпят ждать. Не зря говорено: весенний час зимний день кормит.

У телеги хоть укатистые колесы. А каково тянуть плуг с зажорливым лемехом? Правда, по весне трудящуюся лошадь по утрам подкармливают овсом. Но все равно всех сил не восстановить. Тянет-тянет... Взмокла и покрылась со спины до втянутого живота белой клочкастой пеной. Бока пыхом ходят, как кузнечные меха на кузне. Ноги хоть и свиты из крепких мускулов-мышц, а подгибаются. Но режет и режет плугом – терпеливо – слежалую после осенних дождей и зимних морозов стернистую землю-пашню, да так, словно тянет за

собой не только плуг, но за ним неисчислимые комкастые борозды. Круг за кругом, круг за кругом...

После сева – вот какая отрада! – отдых. Пусть и недолог он, но дает вольно по-пасть на молодой травке. Уж как вкусна, уж как сочна, уж как по ней заскучали лошади! И летучие степные упыри-кровопивцы комары, мошкара, оводы-пауты да слепни еще не народились.

Все бы благостно узнавалось в таком изложении, да короток отдых, ибо короткое у нас здесь лето подгоняет к упряжи. Одна теперь забота – не встала бы работа.

Это начинается сенокос. Надо траву на лугах и по степям косить, чтобы заготавливать сено на зиму и для колхозной скотины, и на вывоз – для конницы, которая сражается с фашистами.

Мой Орлик в паре с Гнедком неторопким шагом тянут стрекочущую косилку, на которой восседает с совсем смиренным у нее кнутом тетя Прасковья. Попозже, через день-два, когда скошенная трава на кошанине подвялится на солнышке, мне с Лешкой черед. Нам приказали поработать на конных граблях. Надо свалакивать укос в валки, чтобы просушить не только солнышком, но и ветерком. Если трава не станет сеном, так, волглая, обречена в скирде быстро подгнивать; у нас говорили – горит. Оно и в самом деле преет так, что в горячем гнилье долго руки не удержать.

Конные грабли – это не дачные грабельки. Они, загребушие, на несколько метров длины при двух высоченных железных колесицах с мой рост величиной а сиденье промеж этих колес на станине. Так восседаешь как египетский царь-фараон с картинки из учебника древней истории. Грабельные изогнутые зубья, с метр-полтора по высоте, когда стучаешь ногой по педали, вздымаются за спиной со страшным клацаньем. Так опрастываются от скошенной травы и оставляют после себя очередную добавку к сенному валку, который растягивается от одного края луга к другому. Тебе же, грабильщику, превеликая гордость, если научишься валки сваливать-снаряжать ровными в длину и на одинаковом расстоянии между ними. Через неделю эти валки, если дождика не случится, надо стягивать в копны на волокушах – это такое бесколесное снаряжение, когда только одной длинной веревкой захватываешь кучу сена и тянешь прямо по лугу куда надо. Затем взрослым с помощью мальчишек придет пора свозить сено к конюшням, чтобы складывать в скирды и сохранить его на зиму для пропитания скотине.

Свозили на сенных арбах. Это высокие, длинные и широкие возы с ухватистыми ребринами из жердей, чтобы поболе сена вместить-уложить. Идет арба неторопко, влекомая двумя лошадаками по кошанине, и по команде подавальщиц сена, вооруженных вилами, останавливается у каждой копны-копешки. И в два-три навильника ее на арбу. Наш брат, школяры-удальцы, тож с вилами, но на арбе под командой взрослого мастера-умельца. Работа такая: сено снизу принимать, разверстывать и притяжеливать-утрамбовывать после каждой подачи. Уложили и неспешно отправились домой тихо-вечерней дорогой, а то, гляди, ночь обволокет. Сена эти арбы вбирают выше хаты – едешь наверху, держишься за веревочную опояску – и аж страшно: высоко! Звезды кажутся близкими.

Отвлекусь, чтобы рассказать – что это за диковинка: скирд-скирда. Огромна. До пятидесяти, а то и больше арб-возов вбирает сена. Длинна. Шагов на пятьдесят-семьдесят. Высока. Не взобраться: от земли в два-три роста. Только превеликие

мастера горазды были творить ее крутостенной и гладкокрышею. Чтобы осенний дождь не пробивал и зимний буран не разметал.

Подойдешь к скирде и вдоволь надышишься чистым лугом и жаркой степью. Долго пряно это сено. До ползимы держится духовитая сладость зацелованных солнцем полевых цветочков и луговых стебелечков от конского щавеля. И странное дело: вспоминается вовсе не едкий пот при косьбе – липкий на приманку злого комарья. В памяти прежде всего доброе оживает – как радостно жить и работать летом. Может, и лошадь оставляет для себя только хорошее, выветривая из памяти свои трудные труды – когда жилы едва не рвутся, когда бока ходят ходуном от тяжелых прерывистых вздохов-выдохов, когда ноги подгибаются.

## ВЕСЕЛАЯ РАБОТА

Радости-то было, когда выходил приказ впрягать Орлика в водовозку. Это такая телега с огромной бочкой, уложенной на бок. Она не такая, как нынче привычно-железные для бензина. Водовозная бочка сооружена-сотворена из деревянных клепок, таких изогнутых и тщательно выструганных дощечек; их, чтобы держались и не рассыпались, даже чтобы через возможные щелочки не протекали, стягивали железными обручами.

На водовозках от весны до осени доставляют воду с Иртыша и для пахарей, и для косарей, и для тех, кто убирает хлеб. И еще раз в день надо залить котлы-казаны во владениях бригадных поварих-стряпух на полевых станах. Казаны огромные, что верблюжье брюхо.

Едешь по воду – никак нельзя было говорить «За водой»; станичники с лукавинкой поправляли: «За водой пойдешь-то, далеко-о-о уйдешь».

Лошадь приладилась везти водовозку скучной трусцой. Скрашивают дорогу конский «топ-топ-топ», «свись-свись-свись» от терпеливого на взмахи-отмахи хвоста и насмешливое дребезжанье ведра, которое подвешено под бочкой.

Обратный путь стелется бережливым шагом под неустанно-чмокающее хлюпанье внутри гулкой бочки. Прислонишься к ней спиной – прохладно. Или еще удовольствие-благодать – вдруг на подвернувшейся вздыбине от колеи или от кочки, когда свернешь в поле, для усмирения жары из люка прохладный водопадик за шиворот; это отверстие заткнуто пучком травы разве только от пыли.

...В августе у лошадей праздник в помин их святых покровителей Флора и Лавра. От нас, пионеров, скрывали такое религиозное происхождение праздника. А все равно нравилось, что есть хоть один праздный день для наших трудяг. Быть им без упряжи! До сих пор помню угрозную поговорку: «На Флора и Лавра на лошадях не работают, а то быть падежу». И не удивляли имена тех, в честь кого праздник – они совсем не диковинка для сибирского слуха. Здесь не очень-то моднились в выборе имен.

Баба Лена как-то в один из этих праздных дней очень подивила нас – пропела-протанцевала частушки, которые назвала «частушки-нескладушки»: лукавые, в расчет, что умный уловит издевочку над привычным. Было много «лошадиных». Начинала всегда так: «Ой, частушки-нескладушки: поцелуй кирпич под хвост!» Дальше чеканила: «Тятенька, купи лошадку; Запрягала я собачку, Да плужок напился пьян».

## ПАСТЬБА

Дважды, и днем, в самую жару, и в прохладном предночье, мальчишкам после того, как искупали лошадей, новая забота – отпустить их попасться. Да к явному удовольствованию не на надоелый выгон-голоку за околицей села, а за полевым станом в степное раздолье, в чисто поле.

Но надо путы на ноги приладить. Это чтобы твой друг не забрел на поле с всходами, а то просто неведомо куда в поисках лучшего для пастьбы местечка, а то, гляди, набьет утробу и домой наострится в прохладную летом конюшню или вспомнит о бодрящем натруженное тело Иртыше.

Путы надеваю на две передние ноги – чуток повыше копыт, около венчика; там чувствуется утолщение, его взрослые называют «путовым суставом». Теперь для самой строптивой лошади никакого быстрого убегания не получится. Получаются всего несколько громоздких прыжков от задних мощных ног, или можно только семенить, мелко-мелко перебирая от этих самых пут передними ногами.

Путы из сыромятного ремня. Иногда эти обмотища соединяют для крепости несколькими железными кольцами. Казахи-табунщики вязали путы из конского волоса. Такие путы получались для ретивой лошади колкими.

Лошадь, даже спутанная, отправляется на выпас довольной. Ее хлоп-хлоп по спине или по упругому крупу-заду уздечкой или ладошкой, а она в ответ смиренно хвостом взмахнет, напряжется на два-три прыжка в сторону и, встряхнув челкой, утыкается головою в траву. Только и слышно «хрум-хрум, хрум-хрум».

Ей бы понежится в полном покое, но куда там! Неутоленная на кровопийство жадная летучая гнусь обрекает лошадь неутомимо защищать себя. Хвост как заводной – все по бокам, но, к сожалению, его не хватает для спины. Копыты задних ног тоже в напряге, чтобы отгонять летучую супостать – то одной копытиной, то другой сбивает кровососов с подбрюшья. Или отваживает их мелкой, но порывистой, нервно-скукоженной дрожью-подергиванием кожи. И голова без устали – вверх-вниз или резким рывком-разворотом к бокам: хоть что-то смахнуть. Фыркает – мошкарку сметает. А если совсем становится невтерпеж, так подгибает ноги, ложится на бок и сильными порывами-толчками мощно перекатывает свое большое тело-тулово то в одну сторону, то в другую – давит врагов, хотя в путах такое занятие затруднительно. Еще она знает, что, набив вкуснейшей травой утробу и утолив голод, надо сыскать курган – вдруг, когда ночной сон придет, прохладным ветерком обдуть будет, отгоняя свирепых летунов и высушивая дневной пот даже под гривой.

На выпас пустить легко – отловить трудно, хотя и спутанную. Ты к ней – она от тебя: уши наострены – издали слышит твои тихие шаги и разгадывает коварное намерение – зачем ты к ней с позвякивающей удилами уздечкой. Ты уж совсем рядом, а она ловко крутится на месте и получается, что всегда к тебе задом. Боязно приблизиться – поди догадайся: лишь пугает или в самом деле взбрыкнет-лягнет.

Давай-ка приманивать. Уздечку за спину, ладошку вперед и льстивым голосом: «Тпру-тпру-у», гляди-ка, хлебушек тебе. Не каждый раз дает себя провести на такую хитровань. Но вот все-таки не то приманил, не то ей, привычной трудиться, вспомнилось, что надо возвращаться на полевой стан. Она смиренно тянет голову – принохивается к ладошке. Тут-то хватай за пряжку, которая так красиво свиса-

ет, словно чубчик, меж чуткими, подвижными, то и дело прядяющими ушами, и говори ей что-нибудь ласковое, успевая накинуть уздечку и взнуздать.

Однако же, что ни говори, а лошадь – зверь. Даже когда распутываешь – бди. Присядешь на корточки и не угадаешь, когда ей взбредет переступить – так нечаянно наступит копытищем, а ты босой, или приспичит задней ногой сбить овода-слепня – так в лоб закатает.

Все – распутал без никакого для себя урона. Но как сесть верхом-верхи, чтобы прискакать к полевому стану, а не привести на поводу? Стыдоба, если на виду у всех сам впереди с поводьями в руках, а Орлик, понутив голову, наверное, от скуки, плетется сзади.

Только верхом! Однако затруднительно отроку по своему пока невеликому росточку уж не вспрыгнуть, как показывают в кино про лихих кавалеристов, а бы-кабы взгромоздиться. Но как ни ухватываешься за гриву одной рукой и второй – за холку, как ни подпрыгиваешь, а толку нет. Скок-поскок, а лошади надоело, и она отшатнется или шажок в сторонку. В сердцах крикнешь повзрослому: «Не балуй!» Но нет ей никакого смысла подчиняться. Тогда приходит спасительная мысль: поможет ковыльная кочка. Подвел лошадь к кочке и только готовишься, подпрыгнув, перекинуться животом через хребтину, а она снова в игру или в упрямство – отшатнулась, и я промахиваюсь. Наконец про поводья вспомнил. Перебросил их на шею – и получилась провисшая петля, как бы стремя.

Уселся – и к стану, издалека присматриваясь, увидит ли кто твою удаль? Хлюпкой рысью плохо без седла: трясь-трясь по копчику – и забулькало в животе от недавнего обеда, и настукаешь себе свое местоседловое место. Хорошо только вскачь – плавным галопчиком. Нетрудно помечтать, что на фашистов скачешь в развевающейся бурке и со сверкающей шашкой в руке – как в кино или в рассказах военрука.

## РАДУГА ОТ ЛОШАДИ

Самое распрекрасное удовольствие – это после предобеденных трудов искупать своего Орлика в нешадную жаричу-пекло в Иртыше, всегда прохладном от своей величавости: что от шири, что от глубины, что в тихую погоду от невозмутимости, что от непокорных валов, гневливо всплескивающих пеной в грозные бури.

Скорее бы только, скорее! Без узды, чтобы ничем не сдерживать разгоряченного коня! Орлик взрадован – ясное дело: чувствует, куда скачем. Потому сам просит повода – нетерпелив! Однако чутко чувствует при этом, как искать подступы к Иртышу: вот крутой яр, а вот пологий спуск...

И все-таки галопом – я тоже взрадован, аж сердце заходится. Рубашку скидываешь на полном скаку, и она птицей истинно при двух крыльях-рукавах вспархивает над песчаным берегом. В реку тож на скаку. От этого мощные брызги фонтанным веером – и радуга! Потом, когда упругой воды становится уже под брюхо, лошадь себя умирляет, и как не лупцуешь босыми пятками, забредает в глубину только осторожным шагом. Сперва выщупывает дно, пригнув морду и раздув округлые ноздри – будто что-то вынюхивает там. Может, чтоб в промоину не попасть или не наткнуться на корягу.

Глубже, глубже... И незаметно для седока Орлик тихохонько поплыл. Ты на нем, а он ничуть не против – и не пытается сбросить. Совсем скоро тебя на стремнине тихо-незаметно смывает с мокро-скользкой спины. И чтобы не отстать и плыть рядом, хватаешься одной рукой за гриву, а другой подгребываешь, будто веслом. Есть соблазн ухватиться за хвост и поплыть на буксире, но зачем друга позорить.

В воде всем хорошо. От лошади добродушное «пфырк-пфырк» – это Орлик бережет ноздри. «Плеск-плеск» – от твоей руки. «Жур-жур» – так тугие струи ласково обтекают большую лошадиную грудь. И «шлеп-шлеп» – это необходимо для Орлика похлопываю по атласно лоснящейся шее: люблю, значит. Главное, нечаянно не пихнуть ему голову в воду, чтобы в уши не попала вода. Говорили, что от этого лошади болеют.

Лошадью в воде управлять лучше всего не надо. Она плывет, плывет с легким похрапом, и сама придумывает, когда поворачивать к берегу. Выходит на берег и встряхивается – от этого снова радуга. Она и без провожатого войдет в реку, чтобы спастись от безжалостной жары и от жалящей крылатой нечисти. Вбредет и стоит, нежится с тихим удовольствием от вольной водной льготы. Видны только по воде распростертая морда с пофыркивающими ноздрями, холка, немного крупа и колыхающийся по течению хвост.

Лошадь очень красиво пьет. Не то что корова, которая шумно втягивает свое питье, или свинья со своим смачным чавканьем, или торопливо лакающая собака. Вот у моего Орлика губы хоть и ушлепистые, а в воде неглубоко, ноздри всегда выше воды – поэтому не пускает пузырей и не булькает, цедит сквозь зубы тихо-тихо. Пьет, пьет, пьет – долго пьет. Потом начинает отрываться от воды и затихает в каких-то своих покойных раздумьях. Тут можно посвистеть с приглашением снова жажду утолить – понятно, не кавалеристский марш, а чуть слышное, протяжное и однообразное: «Фью-фью-фью-ю-ю». Орлик тогда снова к воде.

Может, это потому, что еще и еще хочется ему расчувствовать все многовкусье иртышской воды. Чего только не настояно в ней. И немного вчерашнего дождя. И немного придонного ила. И немного камышиного корня. И рыбьего следа. И утинового кряканья. И смытого с человеческих и лошадиных тел терпкого пота.

Чуток поцедит и снова затихает: стоит недвижимый, наверное, задремал. И догадываюсь, что поспешили к нему думы – надолго ли быть еще такому блаженству после того, как натрудил себя в раскаленной степи хомутом, который давно уже противно прокис от укусно-жгучего пота. Речной ветерок отгоняет летучую вражью. Никто не угрожает упряжь или кнутом, не рвет губы удилами-железами, прикрикивая: «Но, милая! Но! Но-о! Подналяги!» Тишина: кап-кап... Еще в полной тиши: кап-кап... Это в дреме нижняя губа отвисла, а она с добрый половник, и в ней все еще вода. И, может, продолжает мой Орлик размышлять, что и степь хороша, если, конечно, вспоминать про нее отдохнувши. В степи приятно чуют разнотравные запахи, а чуткими ушами воспринимать не только звень от комарья. Вот травяные шорохи – значит, быть неподалеку вкусной пище. Вот жужжанье шмеля или пчелы – значит, рядом сладкая кашка. Вот писк пичужки – значит, там трава погуще...

Владимир Иванович Даль вписал в свою книгу одну поговорку, будто это лошадь поведала свое главное возмечтание: «Травы по колено, овса по щетки, и воды лотки». Помянутые щетки – это чуток повыше копыта суставный сгиб с волосьем.

## С ОБОЗАМИ

Подступала главная забота-страда для всех колхозников и, значит, для лошадушек тоже. Зазолотились золотыми колосьями нивы-поля, да быстро, всего-то за неделю-полторы, а ведь долго с весны пребывали в своей нежной от детского состояния мураве-зелени. Они от ветерка ходили упругими волнами под уже твердое шуршание. Вызрели! Не стали бы осыпаться. Допустить такое – грех великий, и перед военной голодухой даже преступление!

Тут и пришел черед впрягать лошадушек в лобогрейку – хлеб косить. Потом их ждет каменный со стесами тупых граней громоздко-тяжелый валок – зерно им выбивают-вымолачивают из снопов на крепко утоптанном земляном круге. Ток называется. Затем черед за телегой-бедаркой – зерно вывозить с полевых станов.

Зерна-хлебушка немного сгрузят у хат, где живут колхозники, у больницы и там, где живут наши учительницы. Поболе, но без никакой чрезмерности, ссыплют в колхозный амбар, чтобы сберечь до весны – это драгоценные семена. А главная дорога нашему урожаю – в красном обозе, который назван так не только от красного флага на первом возу. Главное, что снаряжен по итогу красного – красивого – труда отборным зерном в мешках-чувалах и при самых выносливых лошадях. Провожали с торжествами – на митинге. С назначением командира-вожака. С наказами нам, пацанам-возницам, слушаться обозного главноначальника и беречь лошадей. И мама прибежала, чтобы уложить под облучком котомку с подорожничками: коврига свежего хлеба, немного сухарей, жменька казахского лакомства – кирчики, закише-отсушенный на солнце творожок, и с нашего огорода пузатые огурцы и с десяток головок лука, сочного и золотистого от своих шуршащих одежек. И, конечно же, одаривает заглавной едой – ведром картошки. Небось, говорит, хватит. Пеки, говорит, на ночных кострищах и ешь, напомнила, как все – со всеми: артельно. Лошадям подготовка к таким дальним путешествиям по нраву – их несколько дней подкармливают овсом и даже на дорогу отсыпают по четверти мешка на каждую.

В путь же! Долго он по степным просторам-меркам. Несколько дней по дальности пути двигалась в районный центр наша обозная вереница. На переднем возу порывистый осенний ветер надувает меж двумя древками флаг и транспарант: «Все для фронта! Все для победы!» Под ними командир обоза. Помню первого в первом для себя обозе – всезнающий дед Ильяс. И дорогу знал. И лошадей знал – сколько про них мог рассказывать, даже петь, даже поговорки придумывать про них вот так сразу. И мог с начальством знающе общаться. И нас, юных, поважал.

Райцентр... Сворачиваем к пристани. Поспели. Четыре баржи заканчивают принимать в свои разверстые трюмы-утробы военный урожай. В одну баржу сыплется по лоткам пшеница – золотистая даже в осеннюю пасмурь. В другую – твердо-ребристый ячмень. В третью – жито-рожь, невзрачна для взгляда, как будто пропыленная, но в лепешке, если с пылу-жару, так привлекательна. В четвертую плывет упругистыми потоками таинственно шуршащее и высверкивающее своим коричнево-шелушащимся одеянием просо. И вот баржи огрузили по самую красную линию (матросы поясняли нам, выражаясь непонятно, но красиво: ватерлиния); она опоясывает пузатые борты-бока, чтобы предупредить – полны



сполна. Мы разгрузились, и подошел-подплыл дымоклубый буксир-тягун. У него по бортам огромные колеса с загребущими поперечными плицами. Они по воде шлепают, как пловец ладонями, и потому буксир движется. Нынче таких давно уж нет, у нынешних быстрые винты.

Тут буксир, изрядно посуетившись, баржи сплотил в караван – одна за другой – и дает протяжный плотно-басовитый – на далекие вокруг дали – гудок. От этого диковинного для степных лошадей прощанья они запрядали ушами, напуганные перебирают ногами и даже перестали хрумкать овсом, которым их угостили в благодарную награду, что благополучно завершили важное задание.

Вот и поплыл наш хлеб к храбрым воинам – воюйте и вспоминайте нас, тружеников тыла!

## ПОБЕДНЫЕ СКАЧКИ

Наконец-то пришел долгожданный конец долгой, на четыре года, войне: 9 мая 1945 года вся станица ликовала, что наши Берлин взяли, и тихо плакала в память тех, кто никогда с войны уж не вернется – погиб за нашу возможность жить дальше.

А у нас, ребятни в звании отроков, обида: не успели повоевать! Без нас обошлись... Об этом заговорили на конюшне, когда прибежали, узнав, что и для лошадей тоже будет праздник – председатель колхоза освободил от работы и велел выдать им сена поболее. Вот мы и старались с вилами наперевес.

И тут Леха-Алешка изобрел диковинное – сказал:

– Давайте-ка устроим победные скачки. На лугу у Коровьего брода – с выходом в степь у кургана. Помните, как дед Калмыков рассказывал про казачьи скачки по праздникам. Его судьей позовем...

– А баба Лена разве лошадей выпустит?

Мы к сторожихе. Она думала, думала и придумала: «Приходите-то через час – мне подумать надо». И куда-то торопливо шасть с конюшни. Приходит и торжественно заявила: «Вас всех председатель колхоза зычит», зовет, значит.

Для чего позвал, все наше село узнало к вечеру, на митинге по случаю Победы, когда в конце своей речи председатель объявил:

– Завтра всем быть на конно-праздничном мероприятии, то есть на скачках. В честь Дня Победы. Этот день не без завтра. Молодежи теперь в жизнь входить. Поэтому торжественно объявляю: шефы наших лучших коней – славные наши пионеры и предстоящие комсомольцы – решили нас порадовать своими достижениями по уходу за конным поголовьем, то есть за лошадами. Худого в войну нахлебались, теперь к хорошему будем привыкать. Если у кого сохранились по сундукам казачьи фуражки и шаровары с лампасами – встанут в первый ряд рядом со мной. А вы, ветераны, аксакалы дедушка Калмыков и дедушка Амвросий, покажитесь в обществе со своими медалями за казачью службу. Очень прошу об этом: будете судьями! Найдутся и призы. Мы соблюдем старинные обычаи. Посильные, правда, по нашим обедневшим от войны временам. Коням тоже нашли призы – всем им, без различия победства, награда по торбе овса, а за три первых места – освобождение от работы на три дня. Пацанам-казакам – за первое место вручаю свой велосипед, за второе – сапоги от участкового милиционера товарища

Ивана Никанорыча Петрова, за третье – валенки опять же от меня, а от славного табунщика товарища Телебека в подарок – казы, конскую колбасу, значит; сами, знаете, как вкусна... И каждому почетную грамоту от правления колхоза!

...Утром народу-то собралось! И мы в полной мобилизации. Тут дед Калмыков стал выстраивать нас, всадников, в линию. Кони под нами нетерпеливо ждали команды, пытались гарцевать и даже пробовали легкие вздыбки. И вот команда от судьбы, и вот рванулись к курганчику, на котором стоял, взмахивая фуражкой другой дед.

Дальше вспоминать – эх-эх! – стыдно. Помешал своему Орлику стать победителем. С места как дал ему под бока пятками и как стегнул кнутом – будь первым, будь первым! – он и распластался, взбивая пыль для отстающих. Но так шло только с полпути, а потом, потом я почувал всхрапы и пыхи мне в спину от преследователя, еще, еще, и вот уже теперь мне в лицо и в морду моему Орлику земляные комья из-под чужих копыт, от Лешкиного Гнедка. У моего взмыленного Орлика уж с боков пот пошел белыми ключьями-ошметками. Слышу, что нас с ним еще нагоняют, и в самом деле так – еще два моих приятеля оказались впереди. Орлик шибко ошалел: ноздри раздул – хрипит по-звериному, удила закусил – пена взвитками из пасти. Но от преждевременного по моей прихоти рывка так перенатужился, что перестал отвечать ни на мои вскрики-понуканья, ни на мои ласковые мольбы: отстают, отстают. Выходит, заморил я его раньше времени. Когда нас, чуток с конями отдышавшись, позвали на торжественное построение, так пока вел Орлика, разглядел, как он спал с боков и глаза ввалились.

Мне потом мама Лехи-Алешки поучительно высказала – запомни-де старое казачье присловье: рано подгонять начнешь, позже и приедешь.

Но успокоила: «Хорошо, что без спотычки прискакал. Инако был бы позор...»

...А мы, оказывается, опередили Москву с победным праздником. Попозже узнали из сообщений радио, что в столице нашей Родины тоже прошел праздник – Парад Победы. Да такое особое произошло: парадом командовал на белом коне – как в былинах – самый прославленный советский маршал-стратег Георгий Константинович Жуков.

Потом привезли к нам, в сельский клуб, на показ документальный фильм с хроникой недавних событий. Так все настоящие в нашем селе лошадики тут же восхищенно разглядели, что маршал на Красной площади, объезжая войска, сидел на своем красавце даже в галопчике как влитой.

...Дедушка Ильяс вечером, в клубе, куда взрослые собрались выслушать доклад председателя колхоза о победе над фашистами, дождался конца, неторопливо с улыбочкой подошел с домброй в руке к столику, выпросил себе стул, молча уселся, подогнув ногу, чтобы было поудобней поддерживать свой диковинный музыкальный инструмент, похожий на русскую балалайку, и молвил:

– Вот обо всех сказали, а про утренних героев-джигитов зачем не сказали? Из них настоящие батыры растут. Вот для них я спою.

И начал под четкие звуки сухих струн:

Земля под копытами стонет,  
Клубится над степью пыль.  
Лавиной несутся кони,  
Растапывая ковыль!

Победа любит отважных,  
 Чье сердце стучит горячо.  
 Смелее, джигит!  
 Может каждый  
 Дорогу пробить плечом...

О, какие же случаются совпадения. Много-много лет спустя именно такие слова я прочитал в стихах своего давнего доброго знакомого знаменитого поэта Туманбая Молдагалиева. Одно объяснение такой схожести: в крови у каждого настоящего казаха-степняка всегда в душе стремительный конь и храбрый наездник.

## ПАМЯТЬ В ДВУХ ИСЧИСЛЕНИЯХ

Кто же еще пробуждал для меня, мальчишки, который не сразу стал деревенским, интерес к лошади, кроме тех, кто уже был помянут? Повеличаю каждого с красной – торжественной – строки.

– Атай Мухтар, старичок, наш учитель биологии, он же лошадиный лекарь, без единого лекарства, а лечил! Атай – это по-казахски означает уважительное обращение: «Дядя».

– Тетя Оля, которая управляла конюшней все годы в войну, пока ее муж-кавалерист из казачьего корпуса не вернулся и не заменил. Припоминается: я к ней, хоть и не родственник, обращался – «тетя», а она мне в ответную одаряла таким семейным, теплым, уютным откликом: «племяш».

– Дядя Абдул, завхоз в маминой больнице, у него лошади в сердце, он чеченец, его привезли с Кавказа с зимним обозом, и в разговорах со мной все горевал – его гордый красавец-скакун в горах остался.

– Эрна Фридриховна, медсестра из маминой больнички, которая в поездках на нашей больничной повозке доверяла мне и править лошадкой, и распрягать-запрягать. Она рассказывала, что у ее отца, в прежние довоенные времена, когда жили на Волге, была собственная лошадь со смешным именем Пффердик – «лошадка» то есть в переводе с немецкого языка.

– Бабушка Килина, которая жила с нами по соседству в белостенной, по украинскому обычаю, соломой крытой хате. Она по воскресеньям ссыпала мне в ладошки три-четыре жменьки отрубей, чтобы замешивать на теплой воде вкуснейшую болтушку для моего Орлика. И каждый раз приговаривала: «Шоб був тоби другом! Щоб робив добре!», это значило: «Чтобы был тебе другом! Чтоб работал хорошо!»

И еще не забуду Викторрию Всеволодовну, нянечку в маминой больнице. Она попала к нам по эвакуации из осажденного фашистами Ленинграда. И мама взяла ее, изможденную недоеданием и долгой дорогой, старенькую и неприспособленную к сельской жизни, к нам на постой. Наша жилища очень боялась даже самых мирных лошадушек, а заодно петухов, гусаков, уж не говоря про быков и собак, и обходила всю эту живность издалека. Зато долгими зимними вечерами при зыбком свете мерцающей коптилки рассказывала, как сказку, диковинные истории о собственном в царское время экипаже из двух красавцев-жеребцов и о храбром муже-офицере, который сражался с немцами на своем еще более великолепном белом коне-скакуне. Только сражался не в

Красной армии, а еще в царской армии против войск немецкого императора Вильгельма. И когда заканчивала такие истории про подвиги своего мужа-героя и его храбрейшего друга-коня, то испуганно шептала: «Вы, мон шер (мой друг, значит), конечно же, конечно же, никому ни слова о том, что я вам рассказываю про дворянские времена».

Наконец, выделю, что летом победного 1945 года, когда маму попросили стать врачом в районном центре, появился добрым наставником, по части лошадей тоже, отчим, Алексей Савельевич Погорелов, райвоенком, brave кавалерист, весь в наградах и ранениях. Стал у нас в сарае держать своего любимого коня для выездки под седлом – не хуже председателя Громобоя. Для меня-то какая радость!

А Орлик – что? Когда я кончил школу и уехал в далекую Алма-Ату дальше учиться, то, ясное дело, навсегда расстались. Где же его косточки? Схоронены на конском кладбище? Или где-нибудь в степи белеют они, омытые дождями и высушенные ветрами, никому не видные в траве, так, может, помнятся они хотя бы юрким золоченым ящеркам и муравьям, которые всегда горазды трудиться и трудиться, не хуже Орлика.

\* \* \*

Однажды, просто так гуляючи с сынишкой по московским Воробьевым горам, удалившись от пробензиненных улиц, пахнуло нам – ах, какими завлекательными! – запахами едкого лошадиного пота, свежего сена и конского навоза.

Кажется, решили мы, это конюшня располагается где-то неподалеку. Не придумал же торговать «на любителя» сувенирными запахами какой-нибудь сверх-предприимчивый торговец.

Не обманулись. В тихом местечке расположилось сараистого вида пристанище для лошадей и маленький ипподромчик для их выезда-пробежек.

Нам разрешили войти в сумрачный денник: стойла, стойла, стойла... Из них потаенные звуки: то лошади, ни на кого не обращая внимания, похрумливали сеном.

И вдруг в одном из них на мои шаги повернулась гордая шея и именно на меня – да-да, не просто на звук моих шагов – уставились углядистые глазища.

Я вздрогнул – истинно Орлик из моего отрочества. Не просто похож. Всем схож.

Не может быть! Никак не может быть....

– Орлик, – позвал я его. – Орлик... Орлик мой...

Отвернулся. Равнодушно. Сено его снова притянуло. Оно ему дороже какого-то там прилипчивого зеваки.

Сын подошел:

– Пап, ты чего на него уставился?

– Скажи-ка ему – Орлик.

– Орлик. Орлик...

И вдруг шея коня снова извернулась, и взгляд особого лошадиного прицела прочно воткнулся в глаза сынишки. И вдобавок раздался тихохонько-нежный и прерывисто-протяжный голос: йо-гхр-о-х-о-й-гхр. И хвост взлетел перед нашими лицами. И на всю конюшню пронесся перестук от нетерпеливого переступа копытами.

– Узнал! Узнал он меня! – зашептал я не то сыну, не то сам себе. – Он в тебе меня разглядел! Ты ведь такой, какой я был бог весть когда...

И у меня навернулись слезы. Впервые после войны с ее тогдашними обидами от детских невзгод.

Сын взирал – протяжно молча – то на Орлика, то на меня. Он явно догадался, как важен был в его присутствии погляд коня на отца и слезы отца. Сын понял: для отца неожиданно приблизились часы, дни и годы далеко-предалекого времени.

---

*Валентин Осипович Осипов – советский и российский писатель, журналист, литературовед, издатель. Родился 10 июля 1932 года в Москве в семье советского дипломата и разведчика О. Я. Осипова и врача Л. Л. Гаркиной. В 1938 году отец был репрессирован, похоронен на полигоне «Коммунарка». Мать, как член семьи изменника Родины, Особым совещанием приговорена к восьми годам лагерей и ссылке в Казахстан. Окончил сельскую школу в казахстанском селе и исторический факультет Казахского государственного университета. После окончания университета преподавал историю в лесном техникуме города Лениногорска Восточного Казахстана (1955–1957). Далее работал в республиканской газете «Ленинская смена» (Алма-Ата, 1957–1958), переведен на работу в Москву инструктором сектора печати ЦК ВЛКСМ (Москва, 1959–1961). С созданием Целинного края организовал выпуск краевой газеты «Молодой целинник» (Целиноград, 1961–1962). Через полтора года стал главным редактором издательства «Молодая гвардия» (1962–1974). Затем работал первым заместителем главного редактора журнала «Знамя» (1974–1977), издательства «Художественная литература» (1977–1986), председателем Всесоюзного Центра пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР (1986–1989), директором издательства «Раритет» (1989–2005). Член Союза журналистов СССР (с 1962), Союза писателей СССР (с 1984). Основные литературные жанры: документально-художественная проза, биографии, публицистика, а также художественные рассказы. Автор сценария документального фильма «Политрук Клочков» (ЦСДФ, 1985). В области документальной прозы проявил себя обнародованием ранее неизвестных страниц биографий С. Нечаева, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Шолохова, Н. Чернышевского, В. Клочкова. Публицистика посвящена судьбам российской культуры, истории, литературы, книгоиздания. Как биограф М. Шолохова, написал восемь книг, более 200 статей, подготовил более 20 докладов на научно-практических конференциях, был ведущим научным сотрудником РГГУ им. М. Шолохова.*

